

Фильм про автора
«Архипелага ГУЛАГ»
скорое всего сможет
выйти лишь
за границей.
Как и сам
«Архипелаг»
когда-то...

Комс. правда. - 1998. - 27 июл. - с. 12

Этот фильм снимался четыре года. Срок огромный. Этот фильм, возможно, мы не увидим. Финансовый кризис, проблемы с выполнением договорных обязательств - обычное дело. Необычно только имя героя - Александр Солженицын. НТВ от фильма отказалось. Среди причин называют одну, всячески отрицающую продюсером телеканала Леонидом Парфеновым, семью Солженицыных не хотела бы, чтобы эта картина вышла на экран.

На мою просьбу посмотреть фильм «Из-

браник» режиссер Олеся Фокина долго не соглашалась. Но через две недели все же сдалась. Три серии, почти три часа. Значительная часть этого времени - воспоминания людей, знавших Солженицына еще до высылки. Люди, которые рассказывают про визит еще никому не известного Александра Исаевича к Ахматовой (она сравнила его с сельским бухгалтером) или про женщин, жестоко поплатившихся за помощь Солженицыну. Про Ирину Томашевскую, которая покончила с собой,

не дожидаясь ареста (а позже ее дочь нашла в пакете, под кактусом, спрятанные письма А. И.). Про Елизавету Воронянскую, которую до-прашивали пять дней без перерыва, пока она не призналась, где лежит отпечатанный ею экземпляр «ГУЛАГа» - через две недели после этого она повесилась. Про смерть «Нового мира», которую Солженицын позже назовет смертью «на коленях».

Фильм Фокиной - не укор и не подкоп под пьедестал. Это дань уважения людям, в разное время пришедшим на помощь писателю. Никто из тех, кто дает интервью режиссеру, даже не пытается Солженицына осуждать.

- Если вы поняли фильм так, то это хороший результат, - говорит Олеся Фокина. - Я бы не хотела стать инструментом, с помощью которого люди, которых я сняла в фильме, выясняли бы свои отношения с Солженицыным. Я думаю, что между ними осталось много недосказанного, глаза в глаза. Эти отношения болезненны, что понятно: все было на грани жизни и смерти.

Сама Олеся Фокина относится к Солженицыну с великим трепетом. Он чувствуется в каждом кадре фильма - вот лицо Александра Исаевича, закрытые глаза, огромный лоб, ощущение внутренней боли. Чуть позднее зритель узнает, что снималась эта сцена случайно, и боль была вполне реальная - сердечный приступ в пути, Солженицын садится на скамейку и ждет, когда «отпустит». Другой кадр - засохшие ландыши на столе, любимые цветы Александра Исаевича, которые он не выбрасывает обычно до следующей весны. Красивое лицо Натальи Дмитриевны, жены Солженицына. Дом писателя, его сад без скамеек - посидеть на лавочке и поболтать в этой семье не принято. Маленькие детали - жест, интонация, поворот головы. Неожиданное открытие - автор «Архипелага ГУЛАГ» не легенда и не памятник. Он живой, а живые отличаются от героев мифа одной малостью - они уязвимы.

(Окончание на 2-й стр.)

Александр Солженицын - миф или человек?

Три серии фильма называются «Вложенная цель», «Математик» и «Осень патриарха». Первые две посвящены пути - тому, как именно Солженицын становился тем человеком, которого узнал весь мир. В последней - «вермонтский отшельник», двадцать лет спустя вернувшись на родину.

В 94-м его ждали с каким-то суеверным нетерпением - сказалась русская привычка к тому, что поэт в России больше, чем поэт. Казалось, что сейчас, вернувшись, он скажет что-то важное. Но те слова, которых мы ждали, не прозвучали. Нам показа-

ся, варит для себя картошку... Этот человек был нам незнаком. Он скрывался за «Архипелагом ГУЛАГ», за «Красным колесом», за брошюрой «Как нам обустроить Россию». Он делился с миром лишь своими идеями. Самого себя он прятал. Говорил, что «присутствие телекамеры не помещается в его жизни».

Тем не менее четыре года

назад человек с телекамерой

Фото Анатолия Жданова.

Александру Солженицыну не нужен фильм о самом себе

(Окончание.
Начало на 1-й стр.)

Рассказывает Олеся Фокина:

- Я постоянно предлагала снимать Александра Исаевича в какой-то естественной, домашней жизни. Необходимо говорить об идеях - человек больше раскрывается в своей походке, жесте, случайно оброненной фразе, смехе. Кто, какой он человек, осмысливший «Архипелаг ГУЛАГ»? Как правил, его ответ всегда был один - я об этом уже написал.

Можно долго объяснять, какие хорошие между людьми отношения, а можно просто снять, как Александр Исаевич измеряет теще давление... А она собирает ему букет его любимых ландышей. Александр Исаевич вообще старается не допускать в дом врачей, сам назначает домочадцам лекарства. Такой подход к жизни классика вызывал ярое сопротивление героя и его жены. С их точки зрения, быть может, я декононизировала его образ. С чем я никогда не соглашусь. В последнее время меня вообще мало интересуют идеи. Меня интересуют люди, «косметика человеческих связей», как говорил Довлатов. Зазор между поступком, словом и самим человеком. Такой ход мыслей был объявлен вне закона. Я заканчивала работу над фильмом, от которого они в принципе уже отказались.

Через два дня она позвонила мне из Ростова-на-Дону и сказала - приезжайте.

Я не забуду той нашей первой официальной съемки. Она проходила на кладбище под Кисловодском. В присутствии десятков людей, под стрекот камер Александра Исаевич тщетно искал могилу своей матери...

Мне не забыть того ощущения неловкости, с которым вся толпа, и я в ней, перешагивали через могилы вслед за писателем. Я все ждала: вот-вот он оглянется, остановит нас, и мы не посмеем сделать еще хоть один шаг.

Но он не оглянулся. С тех

пор все его дальнейшие отка-

зы сниматься я воспринимала

1994 год: Александр Исаевич и Наталья Дмитриевна вернулись на Родину.

был допущен к Александру Исаевичу. Олеся Фокина была приглашена снимать поездку Солженицына в Кисловодск. Потом последовало еще одно приглашение - ей и ее семье предлагалось провести лето близ семьи Солженицыных, в Троицке-Лыкове.

Снова - Олеся Фокина:
- Я предложила Наталье Дмитриевне поснимать А. И. во время его путешествия по местам детства и юности.

Через два дня она позвонила мне из Ростова-на-Дону и сказала - приезжайте.

Я не забуду той нашей первой официальной съемки. Она проходила на кладбище под Кисловодском. В присутствии десятков людей, под стрекот камер Александра Исаевич тщетно искал могилу своей матери...

Мне не забыть того ощущения неловкости, с которым вся толпа, и я в ней, перешагивали через могилы вслед за писателем. Я все ждала: вот-вот он оглянется, остановит нас, и мы не посмеем сделать еще хоть один шаг.

Но он не оглянулся. С тех

пор все его дальнейшие отка-

зы сниматься я воспринимала

позиции, где-то идет на огромный риск, а где-то умеет славировать, в конечном итоге мир рукоплещет. Если он молчал из трусости - это гениальный математический. Он знал, что через несколько лет миру будет явлена правда о ГУЛАГе, и это было делом его жизни.

Солженицын действительно часто молчал. Во времена диссидентских процессов, в Пражскую весну. Другой писатель, прошедший лагеря - Шаламов, - назовет Солженицына «дельцом». Жестокое слово.

Сейчас Фокина заканчивает переозвучивать свой фильм - на английском языке, для западного телевидения. После того как НТВ расторгли договор, заключенный 22 июля, и отказалась от всяких финансовых обязательств, перед Фокиной вновь возникло огромное количество проблем. Раньше от всех попыток западных телевизионников купить картину она отказывалась - хотелось, чтобы никто не стоял за спиной и не диктовал свои условия. Теперь придется идти на компромисс - что-то сократить, чтобы вообще выкинуть.

В фильме есть несколько моментов, когда Солженицын говорит о своем нежелании сниматься. Говорит он, что парадоксально, в камеру: «Я хочу жить, а не жить для съемки». И тут же - снимите «вон ту сосну». И еще: «Я не обещаю содействовать вашему фильму, я просто ему не мешаю». Легкое отстранение, демонстрация своего безразличия к таким суетным вещам, как телекамера. Это немножко похоже на расчет: все же останется запечатленное на пленке, но дать понять потомкам - это не по моей воле, это мне не нужно и не важно. Я спрашиваю у Олеси Фокиной, является ли название второй серии - «Математик» - упреком именно в расчетливости.

- Это ни в коем случае не упрек, - отрицает она. - Это вывод. Как можно упрекнуть математика в том, что он математик, а не орнитолог? Математика определила жизнь Солженицына. Ничего лучшего, чем называть вещи своими именами, я сделать не могла. Когда видишь, как человек гениально защищает свои

Валентина ЛЬВОВА.